

2207

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

г. Чита

К 100-летию со дня рождения

Ф. В. Гладкова

Забайкальский период жизни

ОСЕНЬЮ 1903 года Ф. В. Гладков задумал приступить к созданию серии рассказов о забайкальской каторге на основе посещения ее центра в Горном Зерентуе и прилегающих к нему мест, изучения жизни и быта каторжников и ссыльнопоселенцев.

В ноябре того же года читинская газета «Забайкалье» опубликовала в двух номерах рассказ «До каторги» (мысли и впечатления). А с февраля по апрель 1904 года в этой же газете был напечатан цикл рассказов под общим названием «На каторге» (зимние заметки о летних впечатлениях), куда вошли рассказы: «Последний из разгильдеевцев», «Былинка забытая», «Среди вольной команды», «В дороге».

Кроме того, в это же время были напечатаны рассказ «На войну ушли», а также два стихотворения «Нищий» (на мотив из Тургенева) и «Теснятся кругом без конца и без края».

Этот «залп» публикаций, привлеченный внимание читателей своеобразием тематики, получил большой общественный резонанс в литературной жизни Забайкалья, заявил о появлении здесь нового интересного литератора.

Работая учителем, Ф. Гладков широко общается с местным населением, заботится о том, чтобы дети бедных ходили в школу. О своем двухгодичном учительствовании в Кокуе Федор Васильевич оставил теплые воспоминания. О нем отзывались как об умном, чутком и отзывчивом человеке, славившемся своей добротой и сердечностью.

Так, один из его учеников Роман Григорьевич Пыхалов рассказывал: «Учился я у него мало. Ввиду безвыходного материального положения мне пришлось учебу бросить. Помню, как Федор Васильевич приходил к моему отцу, настойчиво добивался, чтобы меня вернуть в школу. Ходил он к нам часто. Вращался он более всего в кругу бедноты. Его стремление было направлено к тому, чтобы все учились, особенно те, кто был в зависимости от кучки богатеев. Как человек Федор Васильевич был очень простой, вежливый, он уважал и взрослых, и детей».

О том, что в Кокуе учитель

широко общался с местным населением, упоминается в одном из рассказов Ф. Гладкова того периода — «Из политических», написанного от лица автора. Там, в частности, говорится: «Крестьяне ко мне часто приходили, даже по вечерам».

Во второй половине 1904 года Ф. Гладков в той же газете «Забайкалье» в четырех номерах опубликовал рассказ «Свежая могила» (к смерти друга), а в первой половине 1905 года продолжил цикл рассказов о каторге, напечатав такие более зрелые в литературно-художественном отношении рассказы, как «Три в одной землянке» (в четырех номерах), «Бродяга» (в трех номерах), «Из политических» (в восьми номерах).

Кокуйский период деятельности Ф. В. Гладкова благотворным образом сказался на формировании его характера и передовых взглядов. Сближение, а затем работа с большевиками раскрыли перед молодым, ищущим правильного пути учителем великую цель борьбы, что вызвало у него небывалый душевный подъем.

Близилась первая русская революция. События 9 января 1905 года всколыхнули всю страну. Волна забастовок докатилась и до Забайкалья. Рабочие провели ряд внушительных выступлений. Эти выступления нашли широкий отклик и поддержку со стороны передовых слоев населения, интеллигенции, учащихся, а также беднейших казаков и солдат.

Все эти бурные события затронули многие стороны общественно-политической жизни. Под влиянием революционных событий 1905 года в жизни и литературном творчестве Ф. Гладкова происходят существенные преломления, свидетельствующие о его возросшей политической зрелости и писательской активности. Прежде всего он вышел из гнетущей его первые два года пребывания в Забайкалье полноты отчужденности и тоски. Примечательно его высказывание по этому поводу:

«Вначале я чувствовал себя так, будто был заключен в тюрьму или заброшен в глухую пустыню. Я в 1903 году писал Горькому и жаловался на скуку, тоску, заброшенность... Потом полюбил, прилип душой к дикой и властной, особенно красоте Забайкалья. И людей тоже полюбил...» (Вопросы литературы. 1960,

№ 8, с. 165). Но весьма показательным является изменение подхода и позиции в литературном творчестве Федора Гладкова, если проанализировать самый плодотворный его этап, связанный с изображением забайкальской каторги и особенно — каторги женской, темы, которой до Гладкова в литературе никто не касался (все другие писатели, включая Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, П. Ф. Якубовича-Мельшица, С. П. Максимова и др., рассказывали о мужской каторге).

С первых шагов своей литературной деятельности Ф. Гладков, воспитанный на произведениях русской классической литературы, примыкает к писателям, обличавшим пороки буржуазного строя. Известно, что Забайкалье при царизме славилось как место каторги и ссылки. Каторга в своей гниющей, наиболее отвратительной форме продолжала существовать и в начале нынешнего столетия.

Тема каторги и ссылки, условия жизни и быта каторжан и ссыльнопоселенцев в силу многих обстоятельств сразу же, с первых дней пребывания в нашем крае привлекли внимание Ф. Гладкова. И здесь начинающий писатель столкнулся с проявлениями крайней, самой дикой несправедливости по отношению к обитателям «дна» царской России. Тема каторги и ссылки у Гладкова является ведущей и главной в литературном творчестве забайкальского периода. Как уже упоминалось, в читинской газете «Забайкалье» цикл очерков и рассказов Ф. Гладкова под общим названием «На каторге» печатался с ноября 1903 года до апреля 1904 года, т. е. в течение полугода. Это были впечатления от результатов поездки Ф. Гладкова по «местам не столь отдаленным» в летний период 1903 года. Сюда входят и путевые заметки с обрисовкой забайкальского пейзажа, встречающихся на дороге и остановках людей, правдивое описание сцен каторжной жизни, где основное внимание сосредоточено на изображении ужасных условий содержания каторжан, их безысходности, трагичности их судьбы. Протест обитателей этого «дна» начинает лишь намечаться в одном из последних рассказов цикла «В дороге».

В Горном Зерентуе автору бросается в глаза большое бе-

лое здание тюрьмы, обнесенное каменной стеной. Рядом с тюрьмой стоят мрачные деревянные бараки для вольной команды. Проезжая мимо, автор впервые увидел мужчин и женщин в грязных арестантских костюмах, которые сидели на площадке «и, греясь на солнце, искали у себя в рубашках».

«На человека впечатлительного и нервного, — пишет Ф. Гладков, — эта картина действует гнетущим образом. И это голый образ того горя, того несчастья, необъятности, тяжести и глубина которого кроется только здесь, среди обездоленных, лишенных свободы и света людей...»

Везде, куда ни взглянешь, — одна забитость, одна грубость, одна покорность и — нет ничего своего... Ужасное наказание за вольные и невольные ошибки.

Тяжелые, невыносимые условия однообразной каторжной жизни настолько придавили людей, что каторжники для того только, чтобы посмотреть на проходящего неведомо нового человека, просят как милостью у дежурного солдата не отгонять их от тюремных ворот. Чего только не испытывают они здесь! Воду, песок, навоз возят они на себе, запряженные в телегу человек по двадцать. И это делается, как спокойно утверждает начальник тюрьмы, «для развития физических сил».

Потрясающую картину быта каторжниц в Мальцевском руднике описывает Гладков в рассказе «Последний из разгильдеевцев», «Былинка забытая», «Среди вольной команды».

И не только каторжных, но и того окружения, что было рядом с тюрьмой — о тяжелой, лишенной света и радости дореволюционной жизни

забайкальцев, где была лишь одна забитость, дикость, невежество.

Неудивительно, что здесь можно было встретить и такие «картинки» быта:

«...Сбоку, за забором, в соседнем дворе, какой-то тоненький детский голосочек шепеляво яростно выкрикивал отборную площадную ругань, и было почему-то больно слушать эту гадкую ругань из уст дитяти: она разила ухо, и, казалось, марала чистоту окружающей прелести девственно-сибирского пейзажа. Дитя ругало, очевидно, кого-то из своих родных, и его упорный, яростный голосишко похож был на исступленный лай маленькой злой собачонки, нападающей на дразнящего ее пешехода. Эту брань дитяти, очевидно, там слушали с удовольствием, потому что несколько мужчин и женщин часто разражались хохотом и подзадоривали дитя».

— Здорово! Так. А ну, ну!.. Еще гаркни, Вася. Молодчина!

И Вася с новою силою «гаркал», поощряемый такими возгласами, и его гадкая ругань доходила до виртуозности».

«Вот оно первое семейное воспитание! Это в Мальцевском руднике», — с горечью констатирует Ф. В. Гладков («Последний из разгильдеевцев», газета «Забайкалье» № 20 от 22 февраля 1904 г.).

Летом 1904 года Ф. Гладков вновь посетил места каторги, набрался новых впечатлений и попытался их осмыслить иным взглядом, с новых позиций.

А. ВЛАСОВ.

НА СНИМКЕ: Ф. В. Гладков и неизвестный.
Чита, апрель 1905 года.

[Продолжение следует].